

На правах рукописи

**Яркова Елена Ивановна**

**Екатеринбургская губерния. 1919 – 1923 гг.:  
экономическое, политическое, социальное развитие**

**Специальность 07.00.02. – Отечественная история**

**Автореферат  
диссертации на соискание ученой степени  
кандидата исторических наук**

**Челябинск – 2008**

Работа выполнена в отделе Отечественной истории XX века Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук

Научный руководитель – доктор исторических наук,  
профессор  
**Корнилов Геннадий Егорович**

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,  
профессор  
**Нарский Игорь Владимирович**  
(ГОУ ВПО «Челябинский государственный университет»)

доктор исторических наук,  
профессор  
**Камынин Владимир Дмитриевич**  
(ГОУ ВПО «Уральский государственный университет»)

Ведущая организация: ГОУ ВПО «Уральский государственный педагогический университет»

Защита диссертации состоится « 28 » ноября 2008 г., в 16.00 часов, на заседании диссертационного совета ДМ 212.298.13 при Южно-Уральском государственном университете (454080, г. Челябинск, пр. им. В.И. Ленина, 76, ауд. \_\_\_\_\_).

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Южно-Уральского государственного университета.

Автореферат разослан « \_\_\_\_\_ » \_\_\_\_\_ 2008 г.

Ученый секретарь  
диссертационного совета



М.И. Мирошниченко

## ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

**Актуальность темы исследования.** Первые послереволюционные годы относительно мирной жизни явились ключевым моментом в последующей истории развития советского государства. Именно в это время были намечены векторы дальнейшего экономического и социально-политического развития крупнейшего по территории и ресурсам пролетарского государства.

Уральский регион после окончания гражданской войны стал опытной базой для проведения начавшегося социального эксперимента. На территории Урала были реализованы идеи нового административно-территориального деления. Перестройка же административно-территориальной структуры сопровождалась и изменением всей структуры управления обществом и государством.

Изучение преобразований первых лет советской власти в наиболее крупной по территории и наиболее мощной по экономическому потенциалу из всех уральских губерний того времени – Екатеринбургской, играет существенную роль для исследования социально-политической и экономической истории страны.

**Объектом** исследования является история Екатеринбургской губернии как административно-территориальной единицы.

**Предметом** исследования являются процессы, связанные с административно-территориальным реформированием, формированием и деятельностью управленческой структуры, экономическим и социально-политическим положением Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.

**Хронологические рамки** диссертации ограничены временем существования Екатеринбургской губернии – 15 июля 1919 г. (дата официального утверждения создания губернии центральной властью) – ноябрь 1923 г. (время ликвидации губернского деления на Урале и утверждения нормативных актов, касающихся создания Уральской области).

**Территориальные рамки** работы охватывают территории современных Свердловской и частей Челябинской и Курганской областей, входивших в состав Екатеринбургской губернии.

**Степень научной изученности темы.** Специальных обобщающих работ, посвященных Екатеринбургской губернии, в исторической литературе практически нет. Можно назвать лишь такие исследования, в которых этот регион затрагивается в числе многих других или же рассматриваются отдельные процессы и явления, происходившие на территории указанной губернии. Исключение составляет работа И.Ф. Плотникова, но и в ней хронологически не отражен весь период существования Екатеринбургской губернии<sup>1</sup>.

Исследования по проблематике диссертации начали выходить уже в середине 1920-х гг. На этом этапе развития советской исторической

---

<sup>1</sup> Плотников И.Ф. Средний Урал в годы гражданской войны. Свердловск, 1990. С. 6.

науки ведущая роль в разработке историко-революционной тематики принадлежала Комиссии по истории Октябрьской революции и партии (Истпарту) и ее местным отделениям. По своему характеру издания 1920-х–середины 1930-х гг. являлись не научными работами, а скорее справочно-агитационными изданиями, пропагандирующими текущую политику партии. Тем не менее, они содержали большое количество цифрового и фактического материала.

По истории административно-территориальных преобразований выходили исследования, посвященные административно-территориальной реформе 1923 г. В середине 1920-х гг. увидели свет сборники статей, статистических и картографических материалов об экономическом районировании Урала<sup>2</sup>. В них излагались основные идеи реформы, подчеркивалась положительная роль проведенных преобразований. В этом же направлении поддержки экономического районирования издавались и более поздние работы советского периода<sup>3</sup>. Современные ученые также положительно оценивают проведенные преобразования<sup>4</sup>.

Если реформе административно-территориального деления 1923 г. в советской историографии уделялось достаточное внимание, то преобразования более раннего периода практически не исследовались. Так, в обобщающих работах по истории Урала, изданных в 1965 г. и 1977 г. о разделении Пермской губернии в 1919 г. и создании Екатеринбургской даже не упоминалось<sup>5</sup>.

В постсоветских обобщающих исследованиях по истории Урала также не уделено достаточного внимания истории Екатеринбургской губернии. Упоминается лишь о ее образовании и ликвидации. Вопрос о времени образования Екатеринбургской губернии относится к разряду дискуссионных в историографии. Современная историческая литература указывает различные даты создания Екатеринбургской губернии.

В современной исторической литературе появились работы, посвященные административно-территориальному реформированию Урала в конце гражданской войны<sup>6</sup>.

---

<sup>2</sup> См.: Районирование Урала. Свердловск, 1924; Урал после районирования (декабрь 1923–декабрь 1925). Свердловск, 1926.

<sup>3</sup> Александров И.Г. Основы хозяйственного районирования СССР // Вопросы экономического районирования СССР. Сб. материалов и статей (1917-1929) / Под ред. Г.М. Кржижановского. М., 1957. Егоров К.Д. Основы районирования СССР // Там же.

<sup>4</sup> См.: Личман Б.В., Казанцев Н.П. Государственное управление экономикой Урала в советский период // Промышленная политика в стратегии Российских модернизаций XVIII – XXI вв. Екатеринбург, 2006. С. 225; Усягин А.В. Территориальное управление в России: теория, история, современность, проблемы и перспективы [Электрон. ресурс]. Режим доступа: [www.terrus.ru](http://www.terrus.ru).

<sup>5</sup> См.: История Урала. Период социализма / Под ред. В.Г. Черемных. Пермь, 1965; История Урала. Период социализма / Под ред. В.Ф. Попова. Пермь, 1977.

<sup>6</sup> См.: Зубков К.И., Побережников И.В. Реформы административно-территориального устройства восточных регионов России (XVIII–XX вв). Екатеринбург, 2003; Соловьева Т.В. Административно-территориальная реформа 1923 г. на Урале: опыт экономического рай-

В монографии И.В. Нарского, анализирующей события 1917–1922 гг. на Урале, приводятся некоторые сведения об административно-территориальных изменениях, произошедших в Уральском регионе. Ученый исследует причины преобразований и их итоги. О причинах административно-территориальных преобразований И. В. Нарский пишет: «Судорожные нововведения свидетельствовали о революционном энтузиазме и жажде перемен, не подкрепленных материальными возможностями, здравым смыслом и четкой перспективой действий. Эффективность управления территориями с помощью таких переделов не достигалась»<sup>7</sup>. И.В. Нарский говорит о «хаосе в административной карте Урала», который «дезориентировал население в вопросе об управленческой подведомственности их территории и чрезвычайно затруднял оперативное решение самых насущных вопросов»<sup>8</sup>.

Р.Т. Латыпов, Э.А. Лагунова также отмечают отсутствие планомерности и стихийность процесса перекройки административных границ в 1918–1919 гг. Однако отмечают, что новое губернское деление оказалось лучше приспособленным для решения широкого круга задач, приобретавших отчетливо местный характер (проведение продразверстки и организация нормированного снабжения населения продовольствием, борьба с бандитизмом, оживление местной промышленности и восстановление сельского хозяйства, организация исполнения воинской и трудовой повинности)<sup>9</sup>.

К.И. Зубков и И.В. Побережников определили основные тенденции, на которых базировалась перестройка административно-территориального деления страны на завершающем этапе гражданской войны. К ним относились сокращение количества волостей, путем их объединения; увеличение количества уездов путем разукрупнения обширных по территории; «учреждение новых губерний преимущественно на основе экономического и транспортно-географического тяготения уездов к крупным промышленно-пролетарским центрам»<sup>10</sup>.

Проблемам формирования и функционирования новых органов власти (ревкомов, советов, партийных комитетов) в послеколчаковский период посвящено большое количество литературы. Особое внимание при этом уделялось деятельности советов, проблемам их взаимоотношений с партийными органами. В связи с доступом к ранее закрытым архивным документам после хрущевской оттепели советские историки, стали писать о слабости и неэффективной работе советов, дублировании

---

онирования // Документ. Архив. История. Современность: Сб. научн. тр. Вып. 5. Екатеринбург, 2005. С. 22-51; Латыпов Р.Т., Лагунова Э.А. Управленческий аспект районирования на Урале в 1920–1930-е годы // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Сб. науч. ст. Екатеринбург, 2006. С. 162-172.

<sup>7</sup> Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М., 2001. С. 51.

<sup>8</sup> Там же.

<sup>9</sup> Латыпов Р.Т., Лагунова Э.А. Указ. соч. С. 163-164.

<sup>10</sup> Зубков К.И., Побережников И.В. Указ. соч. С. 59.

их функций партийными органами. Историками признавалось, что в условиях «военного коммунизма» не всегда соблюдались демократические принципы, редко созывались общие собрания избирателей, вопросы хозяйственной и культурной жизни на местах, как правило, решали узкие коллегии в лице исполкомов советов, главным образом, их президиумы, причем в них не всегда соблюдался принцип коллегиальности, сельские советы почти не имели никаких прав, а их обязанности исчерпывались административным проведением в жизнь указаний сверху<sup>11</sup>.

При разработке темы деятельности советов современные историки также единодушно отмечают снижение роли Советов в послереволюционное время. В.П. Андреев в своей статье, о работе горсоветов в 1920-х гг. отмечает, что «интерес трудящихся к деятельности Советов... намного уменьшился, переход от ревкомов к Советам мало, что дал населению, как и восстановление практики многоступенчатых выборов съездов Советов, которые лишь формально оставались органами власти... Их слабость была особенно очевидна на селе, в глазах деревенского населения они зачастую выглядели лишь фискальными органами»<sup>12</sup>.

Экономическое положение уральского региона также активно подвергалось изучению историков. В 1920–1930-х гг. вышел ряд работ историко-экономического характера, содержащих богатый статистический материал и объективные, основанные на этом материале выводы<sup>13</sup>. Так, С.П. Сигов отрицал факты массового разрушения средств производства колчаковцами, обвиняя их лишь в эвакуации квалифицированных специалистов и технической документации.

В более поздней советской историографии все причины развала промышленности и сельского хозяйства Урала в 1919–1920 гг. виделись в разрушительной деятельности колчаковских властей<sup>14</sup>. Например, сокращение посевных площадей и падение сельскохозяйственного производства объяснялось «хозяйничаньем» колчаковцев, которые «беззастенчиво ограбили уральских крестьян непомерными налогами и поборами»<sup>15</sup>.

Однако советские ученые далеко не идеализировали экономиче-

---

<sup>11</sup> Новоселов И.М. Деятельность коммунистов Екатеринбургской губернии по укреплению Советов в деревне при переходе к нэпу // Партийное руководство Советами на Урале (1905 – 1937): сб. науч. тр. Свердловск, 1984. С. 79, 80; Гуров В.П. Опыт уральских парторганизаций по перестройке деятельности сельских Советов применительно к условиям и задачам нэпа (1921–1923) // Там же. С. 86, 89; Поляков Ю.А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М., 1967. С. 103.

<sup>12</sup> Андреев В.П. Районирование 1920-х гг. и организационное становление горсоветов Уральской области // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Екатеринбург, 2001. С. 185.

<sup>13</sup> См.: Немчинов, В.С. Народное хозяйство Урала (его состояние и развитие). Екатеринбург, 1923; Сигов С.П. Очерки по истории горнозаводской промышленности Урала. Свердловск, 1936. С. 276–280.

<sup>14</sup> См, напр.: Урал в гражданской войне / Отв. ред. Васильевский О.А. Свердловск, 1989.

<sup>15</sup> Там же. С. 273.

скую политику военного коммунизма. Некоторые исследователи, такие, как Р.П. Толмачева<sup>16</sup> и Н.В. Ефременков<sup>17</sup>, пришли к выводу, что причинами кризиса сельскохозяйственного производства, а затем и голода, кроме засухи, отсталости сельского хозяйства, последствий войны, стали завышенные размеры продразверсток, а также неоперативность местных органов власти, с запозданием оценивших размеры бедствия<sup>18</sup>. Советская историография признавала, что «политика «военного коммунизма» стала препятствием на пути хозяйственного строительства в мирных условиях и вызвала недовольство среди крестьянства и отсталых слоев рабочего класса»<sup>19</sup>.

Тем не менее, проведенный обзор и анализ исторических работ показывает, что в советской литературе наиболее полно разрабатывались вопросы, отражавшие позитивные стороны социально-экономических мероприятий, проводившихся государством, такие как хозяйственная помощь крестьянству после освобождения региона от колчаковских войск, организация борьбы с эпидемическими заболеваниями, деятельность государственных органов в сфере народного образования и просвещения, поддержка семей красноармейцев<sup>20</sup>.

В конце 1980–начале 1990-х гг. ученые стали высказывать мнение о том, что такие вопросы, как итоги заготовительных кампаний 1919–1921 гг, взаимоотношения крестьянства и продотрядов, требуют дополнительного изучения. В литературе стали приводиться факты, свидетельствовавшие о сопротивлении крестьянства продовольственной политике. И.М. Новоселов в статье, посвященной деятельности советов, писал о том, что крестьяне Ильинской волости «начали проявлять недовольство» когда местный волисполком при сборе продразверстки «не учел реальную обстановку» и не принял во внимание уничтожение градом 800 десятин посева<sup>21</sup>. И.Ф. Плотников сообщал о крупных крестьянских восстаниях, вспыхивавших на территории ряда уездов Екатеринбургской губернии в 1919–1920 гг. Ученый сделал вывод о том, что в

---

<sup>16</sup> Толмачева Р.П. Борьба с голодом в Екатеринбургской губернии в 1921–1922 гг. // Из истории крестьянства и аграрных отношений на Урале. Свердловск, 1963. С. 12-20; Она же. Социальная дифференциация уральского крестьянства в восстановительный период (1921–1925) // Вопросы истории Урала. Вып. 6. Свердловск, 1965. С. 136-143. Она же. К вопросу об экономической политике Советской власти в деревне в 1920 г. (по материалам Екатеринбургской губернии) // Вопросы истории Урала. Вып. 5. Свердловск, 1964. С. 31-41.

<sup>17</sup> Ефременков Н.В. Колхозное строительство на Урале в 1917–1930 годах // Из истории коллективизации сельского хозяйства Урала. Вып. 1. Свердловск, 1966. С. 3-132.

<sup>18</sup> Каракулов Д.В. Голод 1921–1922 гг. в уральской историографии // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Екатеринбург, 2001. С. 243.

<sup>19</sup> Мельников А.В., Анцыгин В.Н. Руководство партийных организаций Урала деятельностью Советов по осуществлению новой экономической политики (1921–1923) // Партийное руководство Советами на Урале (1905–1937). Сб. науч. тр. Свердловск, 1984. С. 95.

<sup>20</sup> Шиловцев А.В. Социальная политика советской власти на Урале в годы гражданской войны (июль 1919–1920 гг.). Автореф. дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 1994. С. 9.

<sup>21</sup> Новоселов И.М. Указ. соч. С. 79 - 80.

восстаниях принимали участие «и кулаки, и дезертиры, и труженики деревни»<sup>22</sup>.

В первой половине 1990-х гг. значительно расширилась тематика исследований изучаемого исторического периода. Наряду с традиционными темами, такими как деятельность советов<sup>23</sup>, социальная политика советской власти<sup>24</sup>, трудовые мобилизации<sup>25</sup>, появились новые темы: деятельность иностранных благотворительных обществ<sup>26</sup>; сопротивление населения политике советской власти<sup>27</sup>; спекуляция, «мешочничество» и функционирование «черного рынка»<sup>28</sup>; социальный портрет коммунистов Урала<sup>29</sup>. Тема внутрипартийной борьбы на Урале в начале 1920-х гг. с новых позиций рассматривалась в исследованиях В.М. Кружинова<sup>30</sup> и Т.А. Санду<sup>31</sup>. В работах Г.Е. Корнилова<sup>32</sup>, Д.В. Каракулова<sup>33</sup>,

---

<sup>22</sup> Плотников И.Ф. Указ. соч. С. 72-73.

<sup>23</sup> См.: Панов П.В. Партия большевиков и Советы Урала в годы нэпа: эволюция механизма местной власти. Автореф. дис. ... к. и. н. Пермь, 1992.

<sup>24</sup> См.: Шиловцев А.В. Указ. соч.

<sup>25</sup> См.: Цысь В.В. Всеобщая трудовая повинность на Урале в период военного коммунизма (сер. 1919 – 1921 гг.) Автореф. дис. ... к. и. н. Екатеринбург, 1996.

<sup>26</sup> См.: Торопова М.А. Благотворительная деятельность Американской администрации помощи («АРА») на территории Екатеринбургской губернии // Интеллигенция и проблемы формирования гражданского общества в России. Екатеринбург, 2000. С. 251-252; Иванченко А.В. Американская администрация помощи (АРА) на Урале в 1921–1923 гг. // Третьи Татищевские чтения: Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2000. С. 163-167; Иванченко А.В. Екатеринбург и гуманитарная деятельность США на Урале в период голода 1921–1922 гг. // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2002. С. 166-168; Федорова М.А. Благотворительная деятельность иностранных организаций на Урале в 1922 году // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции. Екатеринбург, 2002. С. 157-158.

<sup>27</sup> См.: Телицын, В.Л. Антибольшевистские выступления уральского крестьянства в первые послереволюционные годы // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 214-217; Лагунов К.Я. Двадцать первый: Хроника Западно-Сибирского крестьянского восстания. Свердловск, 1991; История крестьянства Урала и Сибири в годы гражданской войны: Тезисы докладов Всероссийской научной конференции, посвященной 75-летию Западно-Сибирского крестьянского восстания 1921 года (21-28 мая, 1996 г.). Тюмень, 1996 и др.

<sup>28</sup> См.: Телицын В.Л. Крестьянское хозяйство Урала в условиях «военного коммунизма». Автореф. дис. ... к. и. н. М., 1993. С. 21-24; Он же. К вопросу о рынке, продрозверстке и военном коммунизме // Аграрный рынок в историческом развитии. Екатеринбург, 1996. С. 211-216; Нарский И.В. Указ. соч. С. 477- 485.

<sup>29</sup> Воробьев С.В. Социальный портрет коммунистов Урала начала 1920-х гг.: источниковедческое исследование материалов Всероссийской переписи членов РКП(б) 1922 г. Автореф. дис. ...к. и. н. Екатеринбург, 2004.

<sup>30</sup> См.: Кружинов В.М. Политические конфликты в первое десятилетие советской власти (на материалах Урала). Автореф. ... д. и. н. Тюмень, 2001.

<sup>31</sup> См.: Санду Т.А. «Рабочая оппозиция» в РКП(б) (1919–1923 гг.). Автореф. дис. ...к. и. н. Тюмень, 2006.

<sup>32</sup> См.: Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы. В 2 т. Т.1 / Под ред. Г. Е. Корнилова, В. В. Маслакова. Екатеринбург, 2000.

<sup>33</sup> См.: Каракулов Д.В. Голод 1921 – 1922 гг. в уральской историографии // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Екатеринбург, 2001. С. 242-247; Каракулов Д.В. Посевная кампания 1921–1922 гг. на Урале



А.В. Шиловцева<sup>34</sup> и других ученых активно изучается тема продовольственного снабжения и голода на Урале в 1921-1922 г. Привлекаются новые источники, ранее закрытые для исследователей.

С середины 1990-х гг. в отечественной историографии получил распространение антропологический подход, рассматривающий историю страны или региона через призму повседневности. Подобная методология была использована в ряде работ, посвященных эпохе военного коммунизма<sup>35</sup>. Полностью основана на описании истории повседневности и монография И.В. Нарского «Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг.»<sup>36</sup>. Ученый рассматривает период «военного коммунизма» и время перехода к нэпу не просто как всеобъемлющий политический, социальный и экономический кризис, а как катастрофу, в которой оказалось население всей страны и Урала в частности. В работе приводится обширный фактический материал (ранее неизвестный), связанный с политической, экономической и просто бытовой жизнью людей эпохи революций, гражданской войны и времени военного коммунизма. Большим достоинством монографии, по нашему мнению, является то, что ученый рассматривает период военного коммунизма и время перехода к нэпу (1921–1922 гг.) в совокупности, а не разделяет эти временные промежутки, на время гражданской войны и восстановительный период, как делали это большинство советских историков.

Отличительной особенностью постперестроечной историографии военного коммунизма является отказ от понимания этого явления как приспособления политики власти к условиям гражданской войны. Современные историки Н.Н. Метельский, В.Л. Телицын, В.В. Цысь пишут о доктринальной природе военного коммунизма<sup>37</sup>.

В современных обобщающих работах по истории Урала уделяется большое внимание созданию и деятельности в 1920–1923 гг. общеуральских политических и экономических органов управления. Между тем, на наш взгляд, такие органы как, например, Уралбюро ЦК РКП(б), особенно на начальном этапе своей деятельности, фактически не руководили в полном объеме подведомственными им губернскими органами, а выполняли только функции координации. Поэтому, по нашему мнению, именно губернская структура органов управления, которая обладала реальной властью, заслуживает более глубокого изучения.

---

// Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 2002. С. 253-260.

<sup>34</sup> См.: Шиловцев А.В. О проблемах исследования продовольственной политики на Урале в годы гражданской войны (1918-1920 гг.) в отечественной историографии // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VII Всероссийской научной конференции. Т.1. Екатеринбург, 2005. С. 144-148.

<sup>35</sup> См.: Павлюченков С.А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М., 1997.

<sup>36</sup> Нарский И.В. Указ. соч.

<sup>37</sup> См.: Метельский Н.Н. Деревня Урала в условиях военного коммунизма (1919–1921). Свердловск, 1991; Телицын В.Л. Крестьянское хозяйство Урала в условиях «военного коммунизма». Автореф. дис. ...к. и. н. М., 1993; Цысь В.В. Указ. соч.

В 1990-е гг. историки констатировали, что наряду с обилием научной литературы по истории уральского региона в целом практическое отсутствие работ, посвященных развитию Среднего Урала<sup>38</sup>. С конца 1990-х гг. в региональной исторической науке утвердилось мнение, что история Свердловской области заслуживает серьезного внимания как с точки зрения научно-познавательной, так и с точки зрения современной социальной практики управления административно-территориальными образованиями<sup>39</sup>.

**Источниковая база** диссертации представлена широким кругом опубликованных и неопубликованных документов. К массиву опубликованных источников относится группа законодательных и распорядительных документов центральных государственных и партийных органов<sup>40</sup>. Они дают представление об основных направлениях внутренней политики центральной власти в изучаемый период.

Группа источников делопроизводственного характера составляет основной массив источниковой базы диссертации. Опубликованные делопроизводственные документы были использованы из различных изданий, как начала 1920-х гг. (инструктивные и отчетные материалы)<sup>41</sup>, так и современных сборников документов<sup>42</sup>.

Источники о политическом и экономическом положении Екатеринбургской губернии были выявлены в двух федеральных архивах – Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ), Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) и двух региональных – Государственном архиве Свердловской области (ГАСО), Центре документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО).

В РГАСПИ изучены документы фонда № 17 Центральный комитет РКП(б) описи № 84 (материалы бюро секретариата ЦК).

В ГАРФе исследовался фонд № Р–393 Народный комиссариат

---

<sup>38</sup> См., напр.: Плотников И.Ф. Средний Урал в годы гражданской войны ... С. 5; Постников С.П. Этапы становления и развития Свердловской области (к 65-летию со дня образования) // Вторые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 28-29 апреля 1999 г. Екатеринбург, 1999. С. 10.

<sup>39</sup> Постников С.П. Указ. соч. С. 10.

<sup>40</sup> См.: Декреты советской власти. Т. 1. 25 октября 1917 г. – 16 марта 1918 г. М., 1957; КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Ч. 1. 1898–1924. Изд. 7. М., 1953.

<sup>41</sup> См.: Временная инструкция партийным ячейкам. Екатеринбург, 1920; Год работы районного комитета ВСРМ Екатеринбургского отделения. Годовой отчет за период с октября 1920 г. по октябрь 1921 г. Екатеринбург, 1921; Инструкция о строительстве Советской власти в Екатеринбургской губернии. Екатеринбург, 1920; РКП(б). Екатеринбургская губернская конференция: бюллетень № 1 от 1 июня 1922 г. / агит-проп. отдел Екатеринбургского губкома РКП(б). Екатеринбург, 1922.

<sup>42</sup> См.: Большевицкое руководство. Переписка. 1912 – 1927. Сборник документов М., 1996; Советская деревня глазами ВЧК–ГПУ–НКВД. 1918–1939. Документы и материалы. В 4-х т. Т.1. 1918–1922 гг. М., 1998; Продовольственная безопасность Урала в XX веке: документы и материалы. В 2 т. Т.1. Екатеринбург, 2000; Общество и власть. Российская провинция. 1917–1941. Сб. документов. Свердловская область. Екатеринбург, 2005.

внутренних дел (НКВД), где содержится информация о формировании и деятельности советских органов. Теме административно-территориального деления целиком посвящены документы Административной комиссии при президиуме ВЦИКа (Ф. № Р-5677). В этом фонде находятся документы, касающиеся образования и ликвидации уездов Екатеринбургской губернии. Материалы фонда позволяют определить основные методы и направления деятельности центральных органов власти в области административно-территориальной политики.

В ЦДООСО изучены делопроизводственные документы партийных органов Екатеринбургской губернии (фонды № 4 Свердловский областной комитет КПСС, № 1494 Уралбюро ЦК РКП(б), № 76 Екатеринбургский губком и ряд укомов РКП(б). Особенностью данных материалов является то, что в них отражена деятельность не только собственно партийных органов и организаций, но и советских, хозяйственных, профсоюзных, военно-политических и других учреждений, расположенных на «подведомственной» данным партийным органам территории.

Кроме фондов партийных органов привлекались также документы из фондов № 41 Свердловский (Уральский) Истпарт и № 221 Партийный архив Свердловского обкома КПСС. Данные фонды содержат иллюстративный материал (листовки, плакаты, фотографии), документы личного происхождения (воспоминания партийных работников и активистов) а также и делопроизводственные материалы ревкомов, советов, партийных и других организаций, собранные сотрудниками Уральского Истпарта и партийного архива.

В ГАСО изучены документы из фондов ревкомов, действовавших на территории Екатеринбургской губернии во второй половине 1919 г. (фонды № 1777 Екатеринбургский губернский военно-революционный комитет, № 1775 Верх-Исетский временный революционный комитет, № 1772 Екатеринбургский городской революционный комитет) и фонд Екатеринбургского губернского исполкома Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Данные фонды содержат делопроизводственную документацию (постановления, приказы, протоколы, положения, докладные записки и другие), дающие представления о деятельности ревкомов и советских органов.

Издания справочного характера, опубликованные в 1920-х гг., (статистические справочники и справочники по административно-территориальному делению) позволяют увидеть объективную картину состояния промышленности и сельского хозяйства Екатеринбургской губернии<sup>43</sup>. Справочники по административно-территориальному делению и районированию Урала позволили уточнить сведения о создании Екатеринбургской губернии, образовании и ликвидации более мелких

---

<sup>43</sup> См.: Статистический сборник Екатеринбургской губернии за 1922 год. Екатеринбург, 1923.; Уральский статистический ежегодник на 1923 год. Екатеринбург, 1923 и др.

территориальных единиц (уездов и волостей)<sup>44</sup>.

Самостоятельную группу источников образуют документы личного происхождения. К ним относятся воспоминания бывших партийных работников о своей деятельности в изучаемый период на территории Екатеринбургской губернии, а также выдержки из писем граждан, в том числе и военнослужащих Красной Армии, приводимые органами ЧК и военной цензуры. Данные источники находятся на хранении в фондах № 41 и № 221 ЦДООСО.

Значительный объем информации был извлечен из периодической печати – газет губернского и уездного уровня: «Уральский рабочий», «Голос рабочего и крестьянина», «Известия Екатеринбургского губернского комитета РКП(б)», «Красный путь», «Пахарь».

Выявленные исторические источники позволяют решить поставленные задачи исследования.

**Цели и задачи исследования.** Целью диссертационной работы является исследование социально-экономического и политического положения Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг.

В соответствии с целью в диссертации решаются следующие задачи:

- определить причины реорганизации административно-территориального деления в 1919 г., в результате которой была образована Екатеринбургская губерния;
- проследить оформление административно-территориальной структуры Екатеринбургской губернии;
- исследовать процесс организации власти на территории Екатеринбургской губернии после освобождения ее от колчаковских войск;
- выявить и проанализировать причины экономического и социально-политического кризиса политики «военного коммунизма» и формы его проявления на региональном уровне;
- рассмотреть процессы ликвидации Екатеринбургской губернии и создания Уральской области.

**Методологическая основа диссертационного исследования.** При подготовке диссертации автор руководствовалась принципами историзма и научной объективности. При исследовании конкретных исторических процессов использовались историко-генетический, сравнительно-исторический методы, историко-системный подход, а также описательный, биографический и документально-иллюстративный методы исследования. При обработке архивных источников использовались методы информатизации. Так, по документам ЦДООСО в рамках СУБД Microsoft Access 2.0 для Windows была составлена и использовалась база

---

<sup>44</sup> См.: Административно-политическое строение СССР В 2 ч. Л., 1924; Урал после районирования. Свердловск, 1927; Список населенных пунктов Екатеринбургской губернии с важнейшими статистическими данными и алфавитным указателем. Екатеринбург, 1923.

данных «Система органов власти в Екатеринбургской губернии (1919–1923 гг.)»<sup>45</sup>.

**Научная новизна исследования** заключается в том, что впервые в качестве объекта исследования выбрана Екатеринбургская губерния как административно-территориальная единица. Комплексному изучению подверглись исторические процессы экономического и социально-политического характера, происходившие в начале 1920-х гг. на территории отдельной, достаточно крупной, губернии. Впервые исследованы проблемы формирования административно-территориальной структуры Екатеринбургской губернии. Выявлены причины и определены даты фактического и официального создания губернии. Прослежены тенденции в уездном делении губернии, обнаружены неизвестные ранее сведения о создании и ликвидации некоторых уездов Екатеринбургской губернии. Исследованы и введены в научный оборот архивные документы о политических конфликтах вертикального и горизонтального уровня во властных структурах Екатеринбургской губернии. Описаны и проанализированы новые факты пассивного и активного сопротивления населения мобилизационной и реквизиционной политике советской власти.

**Научно-практическая значимость.** Результаты исследования могут быть учтены представителями государственных и муниципальных органов власти при разработке вопросов очередных административно-территориальных реорганизаций и прогнозировании их возможных последствий. Полученный материал также может найти применение в научной и образовательной деятельности при подготовке специальных научных и учебно-лекционных трудов по истории Урала.

**Апробация результатов исследования.** Рукопись диссертации обсуждалась на заседании отдела Отечественной истории XX в. Института истории и археологии УрО РАН и рекомендована к защите. Основные положения и выводы диссертации обсуждались на международных, всероссийских и региональных научных конференциях. Результаты диссертационного исследования отражены в 29 публикациях общим объемом более 7 п.л., в том числе в двух ведущих научных рецензируемых журналах, рецензируемых ВАК, – «Отечественные архивы» и «Уральский исторический вестник». Материалы из диссертации использовались также при подготовке статьи для исторической энциклопедии «Екатеринбург» и трех историко-биографических очерков в сборнике «Главы городского самоуправления Екатеринбурга».

**Структура работы.** Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, приложений.

---

<sup>45</sup> Подробнее об использовании информационных методов см.: Яркова Е.И. Информационные технологии в использовании фондов ЦДООСО // Отечественные архивы. 2001. № 5. С. 51–52.

## ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

**Во введении** обоснована актуальность, определены объект, предмет, хронологические и территориальные рамки, рассмотрена степень изученности темы, определены цели и задачи работы, раскрыта методологическая основа исследования, дана характеристика источниковой базы.

**В первой главе – «Организация государственной власти»** исследовано формирование административно-территориальной структуры губернии, определены причины образования и ликвидации Екатеринбургской губернии, изучены процессы восстановления и создания новых органов власти после освобождения населенных пунктов губернии от колчаковских войск.

Основной проблемой для руководства РСФСР, после восстановления советской власти на Урале летом 1919 г., был кризис управляемости. Недавно сформированные властные органы, особенно советские, демонстрировали свое полное бессилие в управлении регионом. Даже наиболее организованная властная система – партийная структура – была поражена кризисом. В результате паралича региональной власти, директивы из Москвы не исполнялись, и, таким образом, Урал оставался, фактически, вне зоны управления из столицы.

В целях укрепления большевистской власти в регионах, руководством РСФСР было решено перенести административные центры в промышленные города, поближе к социальной опоре – фабрично-заводскому пролетариату. А это означало необходимость возобновления административно-территориальных реорганизаций на уровне регионов, прерванных боевыми действиями гражданской войны.

Другими причинами раздела Пермской губернии, кроме обращений и декретов центральной власти, призывавшими к перестройке административно-территориального деления, можно назвать и региональные особенности социально-политического развития Урала. Обширная территория Пермской губернии из-за отсутствия необходимых средств связи, коммуникаций и транспорта не могла достаточно эффективно управляться из далекой Перми. К тому же Екатеринбург, как рабочая и промышленная «столица Урала», претендовал на роль губернского города. Разделение Пермской губернии было выгодно как Перми, которая освобождалась от бремени управления удаленными уездами, так и уездному Екатеринбургу, который получал статус губернского города.

Фактической датой создания Екатеринбургской губернии следует считать апрель 1918 г., когда решением Пермского губернского съезда крестьянских, рабочих и солдатских депутатов Пермская губерния была разделена на две части. В Екатеринбургский округ (прообраз Екатеринбургской губернии) вошли Екатеринбургский, Шадринский, Камышловский, Верхотурский, Ирбитский, Красноуфимский уезды и Серебрянский район Кунгурского уезда.

Однако официально о разделе Пермской губернии и образовании новой – Екатеринбургской, центральной властью было объявлено лишь 15 июля 1919 г. Временной разрыв между решением Пермского губернского совета и постановлением НКВД РСФСР «О разделе Пермской губернии на две самостоятельные – Пермскую и Екатеринбургскую» объясняется неразберихой в административной карте страны, связанной с гражданской войной. Достаточно сказать, что в период с лета 1918 г. по лето 1919 г. советская власть не контролировала большую часть недавно созданной губернии.

Разделение Пермской губернии продолжило тенденцию разукрупнения. Делению стали подвергаться более мелкие административные единицы – уезды. Так, в Екатеринбургской губернии в течение 1920 г. произошло увеличение количества уездов с первоначальных шести (июль 1919 г.) до десяти (январь 1921 г.). В ноябре 1919 г. начался процесс деления Верхотурского уезда, завершившийся постановлением пленума Екатеринбургского губисполкома от 8 апреля 1920 г. о разделе Верхотурского уезда на четыре части. Таким образом, появились новые Алапаевский, Нижнетагильский и Надеждинский уезды. В конце 1920 г. из части волостей Екатеринбургского, Камышловского и Шадринского уездов был образован еще один уезд – Каменский.

Административно-территориальная неразбериха, царившая в стране в 1918–1921 гг., заставила центральную власть вплотную заняться проблемами упорядочения процессов территориального реформирования. 21 апреля 1920 г. СНК РСФСР принял специальное постановление, в котором предписывал быть чрезвычайно умеренными и осторожными в вопросе о новом административном делении губерний. В феврале 1922 г. ВЦИК разослал всем губисполкомам, губревкомам и областным исполкомам циркуляр, в котором предлагал приостановить дальнейшее образование новых административных единиц и предписывал ликвидировать уже образованные, но не утвержденные центром. Данный циркуляр ВЦИКа отменял положения декрета СНК от 27 января 1918 г., относившего вопросы изменения административных границ к компетенции местных органов власти.

В результате резкого изменения позиции центра новые уезды, образованные по инициативе губернских партийных и советских органов, оказались вне административно-территориальной структуры страны, и в итоге, были упразднены весной 1922 г. Официальное признание получил лишь Нижнетагильский уезд. Таким образом, на момент ликвидации Екатеринбургской губернии в ноябре 1923 г. в ее структуре насчитывалось семь уездов.

Организация губернских органов власти началась после освобождения территории губернии от колчаковских войск в июле 1919 г. и проходила в несколько этапов.

Первый этап (лето – осень 1919 г.) характеризуется созданием

временных чрезвычайных органов власти – ревкомов, которые на некоторое время становились посредниками между военными структурами, занимавшими населенный пункт, и местным населением. Параллельно с созданием ревкомов наблюдался процесс восстановления партийных структур – оргбюро РКП(б) губернского и уездного уровней. Наряду с ревкомами партийные структуры также являлись носителями властных полномочий.

На втором этапе (осень 1919–1920 гг.) происходит ликвидация ревкомов как чрезвычайных органов власти с передачей их функций сформированным на съездах советов исполкомам, более или менее укрепившимся партийным комитетам и органам с чрезвычайными функциями (РВС трудовой армии, ЧК, продовольственным комитетам и т. д.).

На третьем этапе (1921–1923 гг.) наблюдается осознание кризиса и несовершенства сформированной властной вертикали. Происходит постепенный отход от чрезвычайных методов управления, ограничение функций и упразднение чрезвычайных органов власти. Идет подготовка к административно-территориальной реформе на основе экономического районирования.

В результате, 3 ноября 1923 г., сессией ВЦИК было утверждено положение об Уральской области, а 12 ноября – проект границ отдельных округов Уральской области.

Таким образом, период административно-территориальных реорганизаций 1918/19–1923 гг. был завершен: вместо четырех губерний (1918–1919 гг.) – Екатеринбургской, Пермской, Тюменской и Челябинской – были образованы 15 округов Урала (1923 г.) в составе обширной Уральской области. Произошел обратный организационно-распорядительный процесс, чем в 1918–1919 гг. – вместо разукрупнения регионов (в том числе – Пермской губернии) снова последовало их укрупнение в ещё больших масштабах, чем раньше. Такое административно-территориальное изменение стало возможным в результате преодоления кризиса управления путем укрепления исполнительной вертикали власти, разветвления структуры управления «на местах», подготовки необходимых административно-управленческих партийных и советских кадров, наращивания их организаторского потенциала.

Участники подготовки и проведения экономического районирования 1920-х гг., как и современные историки, оценивали положительно итоги административно-территориальной реформы 1923 г. Это позволяет сделать вывод о том, что административно-территориальное реформирование региона на основе экономического районирования явилось наиболее успешной из предпринятых мер попыткой выхода из управленческого кризиса.

**Во второй главе – «Экономическое состояние губернии»** исследуется положение сельского хозяйства и промышленности.

Состояние сельского хозяйства и промышленности Екатеринбург-



ской губернии в 1919–1921 гг. характеризовалось глубоким упадком и разрухой.

Относительно развитым сельское хозяйство было в Ирбитском, Камышловском, Шадринском, Каменском и Красноуфимском уездах. Предпочтение в них отдавалось выращиванию зерновых культур, картофеля, конопли и льна. Однако, посевные площади, по отношению к 1916 г., были значительно сокращены, и спад по этому показателю ежегодно (и значительно) продолжался. Так, в 1920 г. посевная площадь в целом на Урале составляла 81,6% от посевной площади в 1916 г., в 1921 – 71%, в 1922 – 38,3%, в 1923 – 64,8%. При этом в Екатеринбургской губернии общая посевная площадь в 1922 г. составляла практически половину от уровня 1916 г.

В 1921–1922 гг. огромная часть Урала была охвачена массовым голодом. В Екатеринбургской губернии в 1921 г. голод охватил 126 южных волостей с более чем 800-тысячным населением, которое питалось суррогатами и было вынуждено уходить от голода и болезней в другие районы. К началу лета 1922 г. на территории Екатеринбургской губернии голодало около 50% всего населения; больше всего голод поразил Екатеринбургский, Каменский и Красноуфимский уезды.

Упадок сельского хозяйства Екатеринбургской губернии и Урала в целом был вызван комплексом причин, среди которых можно выделить несколько основных: гражданская война, частая смена власти, отсутствие стабильности; реквизиционная продовольственная политика большевиков, уничтожавшая семенные запасы крестьянского хозяйства и объективно заставлявшая крестьян сокращать посевные площади; природно-климатические условия, вызвавшие неурожай 1921 г.

Для преодоления кризиса в сборе сельскохозяйственной продукции и борьбе с голодом в регионе, центральными и местными властями предпринимались меры как административно-репрессивного характера, так и социально поддерживающие мероприятия.

К административно-репрессивным мерам следует отнести, например, постановление Екатеринбургского губкома РКП(б), изданное весной 1920 г., требующее от каждого крестьянского хозяйства засеять земельную площадь не меньшую, чем в 1919 г.

Создание комитетов крестьянской взаимопомощи, организация сети учреждений общественного питания, услугами которых пользовались примерно 1/6 часть городского населения, организация кампаний помощи голодающим являлись своеобразными формами социальной поддержки населения.

21 марта 1921 г. постановлением ВЦИК «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» были оформлены законодательно решения X съезда РКП(б) по переходу к НЭПу. Однако карательные меры сбора продовольствия продолжали применяться. Например, при сборе семенной ссуды в 1921 г. в Шадринском уезде кре-

стьян избивали, садили в холодные амбары и бани.

План сбора продналога в Екатеринбургской губернии был перевыполнен (к январю 1922 г. было собрано 113,8% от запланированного объема). При этом другие уральские губернии с задачей сбора продналога не справились (в целом на Урале к январю 1922 г. было собрано 75,7% продналога).

Результаты проводимых в сельском хозяйстве мероприятий были противоречивы. С одной стороны, административное принуждение при сборе хлеба создавало почву для сопротивления крестьян властям и дестабилизировало социально-политическую ситуацию в регионе. Принудительное изъятие у крестьян значительных запасов семенного зерна явилось одной из причин голода 1921–1922 гг. С другой стороны, государству различными мерами удавалось концентрировать в своих руках необходимый минимум продовольствия для уменьшения масштабов голода и обеспечения выживания РСФСР как суверенного государства. Кроме того, к 1923 г. экономическая ситуация стала улучшаться: в Екатеринбургской губернии по сравнению с 1922 г. посевы овса увеличились на 71%, ржи – на 70%, пшеницы – на 47%. В целом Урал вновь стал пшенично-овсяно-ржаным районом, хотя валовый сбор урожая в 1923 г. составлял только 97% от уровня 1922 г. и всего 55% от подобного показателя 1916 г.

В промышленном развитии Екатеринбургской губернии наибольшее внимание уделялось горной, горнозаводской, металлообрабатывающей, а также химической, кожевенной и меховой промышленности. Относительно развитыми промышленными уездами являлись Екатеринбургский и Нижнетагильский. Однако промышленность Екатеринбургской губернии, как и всего Урала в целом, в начале 1920-х гг. была поражена кризисом.

Недостаток продовольствия и фуража породил дефицит топлива, сырья, квалифицированной рабочей силы. Дефицит топлива и сырья, в свою очередь, приводил к остановке производства и закрытию предприятий.

Немалую роль в уничтожении уральской промышленности сыграло разрушение системы управления предприятиями. Новые власти не сумели в короткие сроки организовать работу практически не разрушенных, но не работавших предприятий. На заводах отсутствовал технический и административный персонал, квалифицированная рабочая сила, не было производственной и технической документации. Не работали горизонтальные и вертикальные производственные связи. Распоряжения вышестоящих органов игнорировались.

Валовая продукция уральской промышленности в 1921–1922 гг. составляла всего 15% от объема 1913 г. В Екатеринбургской губернии пик падения производства в металлургической промышленности пришелся на 1921 г.

Борьба с разрухой первоначально шла по пути создания государственных чрезвычайных органов управления и регулирования в промышленности. В июле 1919 г. ВСНХ образовал Уральскую комиссию для восстановления промышленности, которая, в свою очередь, создала Бюро отдела металла (БОМ) с отделениями в трёх городах (Перми, Екатеринбурге, Уфе). 14 ноября 1919 г. ВСНХ создал Урало-Сибирскую комиссию, выполнявшую роль представительства ВСНХ на Урале; комиссия наделялась большими правами и была призвана замещать в регионе президиум ВСНХ. Бюро отдела металла и Урало-Сибирская комиссия являлись, по сути, параллельными органами управления промышленностью. В конце 1919 г. – начале 1920 г., с целью концентрации скудных материальных и людских ресурсов, было сформировано пять районных правлений, подчиненных БОМ ВСНХ. Эти объединения заменили собой старые горнозаводские округа. Одновременно с райправлениями в уральских губерниях для управления мелкой и средней промышленностью создавались губернские совнархозы (ГСНХ). В мае 1920 г. Урало-Сибирская комиссия ВСНХ была упразднена, а вместо неё учреждалась новая организация, получившая в сентябре 1920 г. наименование Промышленное бюро президиума ВСНХ на Урале (Уралпромбюро). Таким образом, в уральской промышленности в 1919–1921 гг. постепенно была создана строгая централизация управления по линии: ВСНХ (отдел металлов) – Уралпромбюро – районные отделения и губсовнархозы – заводоуправления. Для решения проблемы нехватки в промышленности топлива, сырья и рабочей силы стала широко применяться милитаризация труда.

В 1921 г. произошла новая реорганизация управления промышленностью, связанная с введением НЭП. Вопросы общего экономического регулирования перешли от ВСНХ к Совету труда и обороны (СТО) и его местным органам. На Урале представительством СТО стало областное экономическое совещание (Уралэконо). Направляющим в его работе должен был стать план ГОЭЛРО.

Результаты деятельности органов власти в промышленности не были однозначными. Мероприятия, связанные с милитаризацией труда, как правило, приносили одинаковые итоги – низкую экономическую эффективность и обострение социально-политической обстановки. Производительность труда мобилизованных была в два-три раза ниже обычной нормы. Широкое распространение получило дезертирство рабочих с промышленных предприятий. Но, в то же время, например, силами бойцов Первой трудовой армии в 1920 г. было заготовлено 154 тыс. кубосаженой дров, отремонтировано (совместно с железнодорожными рабочими) 240 паровозов, 437 вагонов, расчищено 2843 версты путей, нарублено 319500 пудов соли, произведено различных погрузок, перевозок и разгрузок в несколько миллионов пудов. Помощь Трудовой армии сказалась в Екатеринбурге на восстановлении ВИЗа, фабрики Макаровых и

других предприятий, в значительной мере был преодолен топливный кризис. Осенью 1920 г. удалось пустить в действие на всем протяжении Казанскую (Екатеринбург – Казань) ветку железной дороги.

Государственные меры периода НЭП приносили также различные результаты: хотя количество работающих заводов в 1922/23 хозяйственном году уменьшилось по отношению к 1921/22 хозяйственному году, но выплавка чугуна и стали увеличилась в два и более раза, улучшились технические результаты производства, повысилась производительность труда. Вместе с тем, с конца 1922/23 хозяйственного года промышленность Урала стала ощущать кризис сбыта; это отразилось, прежде всего, на отраслях тяжелой промышленности. В итоге в начале июня 1922 г. произошло закрытие ряда промышленных предприятий.

Закрытие промышленных предприятий порождало множество социальных проблем, важнейшей из которых стала безработица. Количество безработных поступательно росло. Положение рабочих, имевших работу, в течение 1920–1922 г. с каждым месяцем все больше ухудшалось. Реальная заработная плата рабочих Урала с переходом на хозяйственный расчет систематически понижалась: в марте 1922 г. по отношению к 1921 г. она снизилась на 72%. Даже низкая заработная плата в промышленности очень часто не выплачивалась.

Принимаемые властями меры по ликвидации задолженности в выдаче зарплаты успеха не имели; в феврале 1923 г. Екатеринбургский губком РКП(б) констатировал, что с каждым месяцем задолженность не уменьшается, наоборот, всё больше увеличивается. На предприятиях в 1923 г. регистрировались производственные конфликты, 85% которых были связаны с вопросами заработной платы. При этом, 86% конфликтов были разрешены полностью в пользу рабочих, 4% – частично в пользу рабочих и 10% – против рабочих.

**В третьей главе – «Социально-политическая обстановка»** ставится проблема кризиса властных структур в губернии, изучаются факты активного и пассивного сопротивления населения политике власти.

Кризис в социально-политической сфере жизни общества был вызван как экономической катастрофой, так и собственно политическими факторами. Социально-политический кризис «военного коммунизма» проявлялся, прежде всего, как кризис власти. Немалую роль в ослаблении партийных и советских органов сыграла кадровая политика Центра, основанная на бесчисленных мобилизационных кампаниях.

Еще более, чем партийные структуры, кризис поразил советские органы. Плохое материальное снабжение советских работников порождало волну «преступлений по должности». Среди членов сельских и даже уездных исполкомов процветали некомпетентность, неграмотность, взяточничество, пьянство. Широкое распространение получали случаи «красного бандитизма». Как сельское, так и городское население, как правило, не желало поддерживать новую власть, в большинстве своем,

относясь к ней индифферентно, а в некоторых случаях оказывало пассивное, и даже активное сопротивление.

Крестьяне категорически отказывались принимать участие в работе советов. Заведующий информационно-инструкторским подотделом отдела управления Екатеринбургского губисполкома А. Янин писал, что члены волисполкомов и сельсоветов на свой гражданский долг и почетные обязанности перед Республикой – быть участниками в деле государственного правления и строительства – смотрят как на тяжелую принудительную повинность, постоянно ожидая своих перевыборов.

Еще одним проявлением политического кризиса власти можно назвать постоянные конфликты, часто возникавшие как между организациями и учреждениями, так и между отдельными ответственными губернскими и уездными партийными работниками.

К глобальным конфликтам, проявившимся в начале 1920-х гг., можно отнести участие уральских коммунистов в дискуссии о профсоюзах. Секретарь Екатеринбургского губкома РКП(б) Н.И. Уфимцев называл дискуссию о профсоюзах «партийным скандалом».

Конфликты и дискуссии внутри партийных организации углубляли и усиливали кризис в партии. И в конечном итоге, привели к такому явлению, которое сами партийные работники 1920-х гг. назвали расколом на партийные «верхи» и «низы». Об этом явлении заявлялось в открытом письме ЦК РКП(б) «Ко всем партийным организациям и членам партии», датированным сентябрем 1920 г.

Наиболее ярким проявлением социально-политического кризиса в губернии явилось негативное отношение населения к политике советской власти. Обстановка летом 1920 г. накалилась до такой степени, что Екатеринбургский губисполком был вынужден объявить военное положение на всей территории губернии с 25 июня 1920 г., которое было отменено лишь в конце декабря.

Осенью 1920 г. почти во всех уездах губернии действовали отряды дезертиров. Причиной дезертирства являлись плохие условия жизни солдат, недостаток продовольствия, антисанитарное состояние казарм, недостаток обмундирования. Дезертиров активно поддерживало крестьянское население, недовольное мобилизационной и реквизиционной политикой власти. В октябре 1920 г. в Красноуфимском уезде развернулось крестьянское восстание. Причиной восстания сотрудники ЧК считали недовольство крестьян проводимой хлебной разверсткой. В период подавления крестьянских волнений было убито или пропало без вести около 50 советских работников. Со стороны восставших погибло около 100 человек и было арестовано около 150. Окончательно восстание угасло лишь к декабрю 1920 г, когда из-за ударивших морозов и объявленной амнистии, оставшиеся повстанцы стали выходить из лесов и капитулировать.

Для борьбы с негативными явлениями в социально-политической

сфере власти, прежде всего, было необходимо стабилизировать положение внутри правящей партии. Отсутствие твердой поддержки у населения, перманентные мобилизации коммунистов в армию и на работу в другие губернии, низкий образовательный уровень ответственных работников вызывали постоянную нехватку кадров для властных структур. Для решения этой проблемы необходима была взвешенная стратегия накопления, подготовки и стабилизации кадров партийных и советских работников. Шагами в реализации этой стратегии были мероприятия, направленные на прием в РКП(б), организацию партийно-советских школ и курсов различного уровня, укрепление партийной дисциплины и централизации, налаживание партийного учета, проведение всевозможных перерегистраций, чисток, партийной переписи, материальное обеспечение коммунистов. Одновременно с мерами по укреплению структур власти советское государство предпринимало шаги по ликвидации сопротивления населения и нейтрализации негативного отношения крестьян к мероприятиям, проводимым в экономической сфере. Для преодоления активного и пассивного сопротивления населения использовалось сочетание методов репрессивного и агитационного характера. Нельзя говорить о доминировании какого-либо одного. Репрессии и агитационные меры применялись в одинаковой пропорции.

**В заключении** подведены итоги исследования. Одной из ключевых причин реорганизаций административно-территориального деления в 1919-1923 гг. явились «кризис управляемости», разруха промышленности и сельского хозяйства. Экономика губернии в начале 1920-х гг. находилась в состоянии катастрофы. Социально-политическая обстановка имела все признаки глубокого кризиса. Остро ощущался кризис властных органов: партийных и советских организаций. Власти, и, прежде всего, партийные органы, осознавали наличие кризиса, и пытались принимать отчаянные меры по борьбе с ним.

Административно-репрессивные меры, предпринимаемые властями, не принесли желаемого эффекта, и заставили власти в своей политике отказаться от методов «военного коммунизма» и перейти к позиции управления с точки зрения экономической целесообразности. Мероприятия новой экономической политики в сельском хозяйстве и промышленности помогли улучшить ситуацию, но результат их действия сказался лишь в 1923–1924 гг.

Применение различных моделей административно-территориального устройства также явилось попыткой выхода из кризиса. С помощью разукрупнения обширных административных единиц в 1918–1919 гг. власти пытались наладить деятельность только что созданного государственного аппарата. Глубокий экономический и социально-политический кризис, поразивший страну после гражданской войны, заставил искать новые пути управления хозяйством и обществом. Одним из таких новых направлений явилось экономическое райониро-

вание. Обратный процесс объединения мелких административно-территориальных единиц в более крупные также был вызван политической и экономической необходимостью и принес свои положительные результаты к середине 1920-х гг. В результате создания Уральской области на карте России появился хозяйственный и управленческий каркас территории, ставшей впоследствии одной из важнейших в экономическом развитии страны в целом.

По теме диссертационного исследования опубликованы следующие работы:

**Публикации в ведущих научных рецензируемых журналах, рекомендуемых ВАК:**

1. Яркова Е.И. Информационные технологии в использовании фондов ЦДООСО // Отечественные архивы. – 2001. – № 5. – С. 51–52 (0,12 п.л.).

2. Яркова Е.И. Крестьянские волнения в Красноуфимском уезде Екатеринбургской губернии в 1919–1920 гг. // Уральский исторический вестник. – 2008. – № 2 (19) – С. 48–51 (0,42 п.л.).

**Публикации в сборниках научных трудов:**

1. Яркова Е.И. Возникновение и деятельность Уральского бюро ЦК РКП(б) (1920–1923 гг.) // XXI век и исторические перспективы России: Тезисы региональной научной конференции / Под ред. В.А.Панпурина. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. – С. 60–63 (0,16 п.л.).

2. Яркова Е.И. Архивные документы ЦДООСО о политическом и экономическом положении Уральской области в 1919–1923 гг. // Третьи Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 19–20 апреля 2000 г. / Ин-т истории и археологии УрО РАН и др. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 2000. – С. 288–291 (0,7 п.л.).

3. Создание и деятельность Уральского бюро Истпарта (1921–1923 гг.) // Документ. Архив. История. Современность. Сборник материалов региональной научно-практической конференции (Екатеринбург, 20–22 апреля 2000 г.). Часть II. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2000. – С. 92–97. (0,33 п.л.).

4. Яркова Е.И. Формирование новой интеллигенции на Урале в начале 1920-х годов: организация и деятельность советско-партийных школ и курсов // Российская интеллигенция: критика исторического опыта: Тез. докл. Всерос. конф. с международ. участием, посвящен. 80-летию сборника «Смена вех», 1–2 июня 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 141–142. (0,23 п.л.).

5. Яркова Е.И. Сопrotивление населения Екатеринбургской губернии мобилизационной и реквизиционной политике РКП(б) во второй половине 1920 г. // Урал в XX в.: экономика и политика. Тезисы региональных исторических чтений, посвященных 100-летию со дня рождения Ф.П.Быстрых, г. Екатеринбург, 21 ноября 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 103–106 (0,23 п.л.).

6. Яркова Е.И. Социальное положение рабочих на металлургических предприятиях Урала в 1920–1923 гг. // Архивы Урала. – 2001. – № 1 (6). – С. 158–162 (0,27 п.л.).

7. Яркова Е.И. Уральская провинция начала 1920-х гг. в архивных документах ЦДООСО // Уральская провинция в системе регионального развития России: исторический и социокультурный опыт. Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 300-летию г. Каменска-Уральского. Каменск-Уральский, 12 октября 2001 г. – Екатеринбург: Изд-во «СВ-96», 2001. – С. 176–180 (0,26 п.л.).

8. Яркова Е.И. Направления использования архивных документов из личных дел членов РКП(б)–ВКП(б)–КПСС в Центре документации общественных организаций Свердловской области // Проблемы научной ценности, использования и сохранности историко-биографических и генеалогических документов в составе Архивного фонда России. Материалы «круглого стола», март 2000 г. и научно-практической конференции, 30 мая 2001 г. – М.: Издательский центр РОИА, 2001. С. 81–83 (0,15 п.л.).

9. Яркова Е.И. Екатеринбургская губерния: территория и население // Четвертые Татищевские чтения. Тезисы докладов и сообщений. Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 г. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2002. – С. 230–234 (0,29 п.л.).

10. Яркова Е.И. Социальная защита населения на Урале в начале 1920-х гг. Парадоксы «партийной благотворительности» // Милосердие и благотворительность в российской провинции. Тезисы докладов Всерос. научно-практич. конференции. Екатеринбург, 22–23 марта 2002 г. – Екатеринбург: Центр «XX век в судьбах интеллигенции России», 2002. – С. 75–76 (0,18 п.л.).

11. Яркова Е.И. Екатеринбург в начале 1920-х годов: опыт международного взаимодействия // Екатеринбург: от завода-крепости к евразийской столице. Материалы Всерос. научно-практич. конференции. Екатеринбург, 23–24 мая 2002 г. – Екатеринбург: Изд-во «Филантроп», 2002. – С. 131–133 (0,18 п.л.).

12. Яркова Е.И. Свердловский (Уральский) истпарт // Екатеринбург. Энциклопедия. – Екатеринбург: «Академкнига», 2002. – С. 503 (0,04 п.л.).

13. Яркова Е.И. Парамонов Анатолий Иванович // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – С. 176–183 (0,41 п.л.).

14. Яркова Е.И. Теумин Яков Абрамович // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – С. 184–187 (0,17 п.л.).

15. Яркова Е.И. Ларичев Александр Иванович // Главы городского самоуправления Екатеринбурга: Исторические очерки. – Екатеринбург: У-Фактория, 2003. – С. 190–193 (0,19 п.л.).



16. Яркова Е.И. Крестьянские волнения в Екатеринбургской губернии в конце 1919–1920 гг. // Война и российское общество: 1914–1945 годы: Материалы Пярых уральских военно-исторических чтений, посвященных 80-летию проф. И.Ф. Плотникова, Екатеринбург, 22–23 сентября 2005 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. – С. 79–85 (0,36 п.л.).

17. Яркова Е.И. Административно-хозяйственная реформа Урала 1923 г.: причины, механизм проведения, итоги // Третьи Чупинские краеведческие чтения: материалы конф. (Екатеринбург, 16–17 февраля 2006 года) / Сост. Т.А. Колосова. – Екатеринбург: Свердл. обл. универс. науч. б-ка им. В.Г. Белинского, 2006. – С. 60–66 (0,2 п.л.).

18. Яркова Е.И. Документ в историческом аспекте. Материалы федеральных архивов о региональной и местной истории начала 1920-х гг. (на примере Екатеринбургской губернии) // Документ в парадигме междисциплинарного подхода: материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции / Под. ред. проф. О.А. Харусь. – Томск: Томский гос. ун-т, 2006. – С. 298–300 (0,16 п.л.).

19. Яркова Е.И. Портрет партийного и советского руководителя местного уровня 1920–30-х годов (на примере биографии А.Ф. Сивкова) // Историческое образование на современном этапе: проблемы и перспективы модернизации. Десятые международные историко-педагогические чтения. Сб. науч. ст. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. – С. 318–323 (0,32 п.л.).

20. Яркова Е.И. Попытки восстановления промышленности Урала в 1919 – нач. 1920 гг.: методы «военного коммунизма» и практика экономической целесообразности // Промышленная политика в стратегии российских модернизаций XVIII – XXI вв. Материалы Международной научной конференции, посвященной 350-летию Н.Д. Антуфьева-Демидова. – Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2006. – С. 287–290 (0,28 п.л.).

21. Яркова Е.И. Анатолий Иванович Парамонов – историческая личность регионального масштаба // Уральские Бирюковские чтения: Сб. науч. и научно-популярных статей / Науч. ред. проф. С.С. Загребин. – Вып. 4. Город как феномен культуры. Часть 2. – Челябинск: Изд-во «Абрис», 2006. – С. 410–415 (0,23 п.л.).

22. Яркова Е.И. К вопросу о дате образования Екатеринбургской губернии // Материалы межрегиональной научно-практической конференции «Административно-территориальные реформы в России. К 225-летию учреждения Пермского наместничества». – Пермь: Изд-во «Пушка», 2006. – С. 146–149 (0,19 п. л.).

23. Яркова Е.И. Кризис системы советов в 1919 – начале 1920-х гг. (на примере деятельности советов Екатеринбургской губернии) // Российский парламентаризм: история и современность: Материалы межвузовской научной конференции, посвященной 100-летию российского парламентаризма. Екатеринбург, 27 апреля 2006 г. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. – С. 31–33 (0,26 п.л.).

24. Яркова Е.И. «Красный бандитизм» как фактор социально-политического кризиса общества «военного коммунизма» (на материалах Екатеринбургской губернии) // Роль исторического образования в формировании исторического сознания общества. XI международные историко-педагогические чтения (22-23 марта 2007 г.): Сб. науч. ст. Часть 1. – Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2007. – С. 294–297 (0,23 п.л.).

25. Яркова Е.И. Реформирование административно-территориальной структуры Екатеринбургской губернии в 1919–1923 гг. // Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы VIII Всерос. науч. конф. 27–28 апреля 2007 г. Т. 2. – Екатеринбург: Изд-во «АМБ», 2007. – С. 294–298 (0,24 п.л.).

26. Яркова Е.И. Мобилизации коммунистов в Екатеринбургской губернии в начале 1920-х гг. // Воспитательный потенциал исторического образования. XII всерос. ист.-пед. чтения (27-28 марта 2008 г.): Сб. науч. ст. Часть I. – Екатеринбург: ГОУ ВПО «Урал. гос. пед. ун-т», 2008. – С. 318–323 (0,34 п.л.).

27. «Дела обстоят очень плохо...». Крестьянское восстание 1920 года в Красноуфимском уезде // Ретроспектива. – 2008. - № 4 (9). – С. 21-24 (0,4 п.л.).